

К 200-летию со дня рождения

Необходимо всем писателям сплотиться вместе и встать на защиту святой веры от врагов ее.
 И.С. Тургенев

О Тургеневе было не принято говорить как о христианском писателе. По большей части его представляли как "атеиста", "либерала", "западника", "русского европейца".

Но к сожалению, это не только атеистические либо инноверческие трактовки, лукаво насаждаемые, как плевелы среди пшеницы, на протяжении долгих десятилетий.

Ещё Н.С. Лесков писал о том, как "многokrатно, грубо и недостойно оскорбляем наш благородный писатель" – "представитель и выразитель умственного и нравственного роста России". Продажные либералы действовали "грубо, нахально и безразборчиво"; консерваторы "язвили его злоеxidно". Тех и других Лесков уподоблял, используя сравнение Виктора Гюго, хищным волкам, "которые со злости хватились зубами за свой собственный хвост". По лесковскому замечанию, "осмеять можно всё, как всё можно до известной степени ополчить. С лёгкой руки Целзья было много мастеров, которые делали такие опыты даже над самым учением христианским, но оно от этого не утратило своего значения".

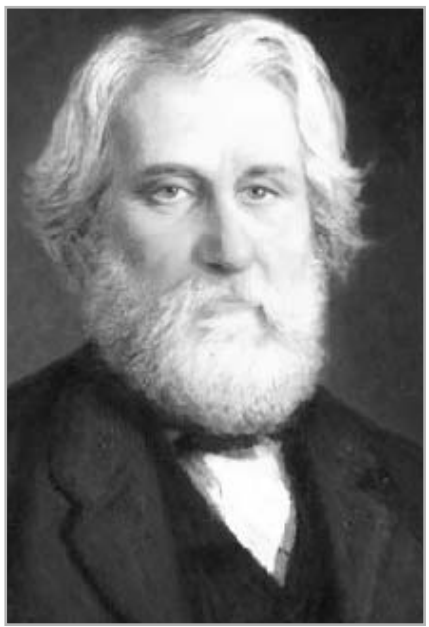
Некоторые начётники также готовы исключить Тургенева из ряда писателей-христиан, руководствуясь своими мерками: "Сколько раз в год ходил в церковь? Принимал ли участие в обрядах? Част ли исповедовался, причащался?"

Однако с такими вопросами к душе человеческой вправе лишь Бог подходить. Хорошо бы здесь припомнить наставление апостольское: "Не судите никак прежде времени, пока не придет Господь" (1 Кор. 4:5).

Только в самые последние годы жизни профессор Курляндская (а прожила она без малого сто лет) не смогла не признать, что Тургенев в своём творчестве делал "определённые шаги на пути к христианству". Однако даже в такой робкой формулировке этот тезис не прижился. До сих пор и в профессиональном литературоведении, и в обыденном сознании укоренилось превратное представление о Тургеневе как об атеисте. В качестве аргументов беспардонно пошли в ход и некоторые тургене

невские высказывания, иезуитски выдернутые из контекста, и образ жизни – по большей части вдали от родины, "на краю чужого гнезда", и даже обстоятельства смерти писателя.

При этом никто из сторонников такой безблаготатной позиции не явил в собственной жизни высокие образцов ни святости, ни аскетизма, ни праведничества, ни выдающегося таланта. Добродетели учат: "Кто возбраняет устам своим пересуждать, тот хранит сердце своё от страстей, тот ежечасно зрит Бога". По всей видимости, "обвинители", "пересуждающие" жизнь и творчество писателя, далеко отстоят от христианства и евангельских заповедей неосуждения: "Не судите, да не судимы будете"

те; Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить" (Мф. 7:1-2).

Всем ли удастся в своё время сподобиться "христианской кончины живота нашего, безболезненной, неопытной, мирной, и доброго ответа на Страшном суде Христовом", о чём молится Церковь? Что будет с каждым из нас по выходе из "кожаной ризы", надетой на земле? Не может не замереть душа перед этими вопросами. Но ответ только "на Страшном суде узнаем", – как любил повторять христианский писатель Сергей Нилус.

В Боге, возвестившем: "Аз есмь Истина, и Путь, и Жизнь" (Ин. 14:6), –

единственно истинный подход к любому явлению жизни. "Кто учит иному, – говорит апостол Павел, – и не следует словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражён страстью к состязаниям и словопрепиям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, пустые споры между людьми повреждённого ума, чуждыми истины" (1 Тим. 6:3-5).

Христианский мир Тургенева

Господь каждому даёт свои таланты и свой крест – по плечам и по силам. Так что звалить все кресты непосильной ношей на одного человека невозможно. У каждого свой крест. Как писал наш современник, умбный поэт Николай Мельников в поэме "Русский крест":

*Крест звали себе на плечи,
 Он тяжёл, но ты иди,
 Чем бы ни был путь отмечен,
 Что б ни ждало впереди!
 – В чём же крест мой?
 Кто же знает?
 На душе – один лишь страх!
 – Всё Господь определяет,
 Всякий знак – в Его руках.*

Тургеневу хватило его собственного креста, чтобы прославить своё Отечество доброй славою во всём мире.

Писатель жизнь свою положил, в том числе на переводы произведений русской литературы, чтобы познакомиться с ней Европу; основал во Франции первую русскую библиотеку. Его личность и творчество светят на весь мир.

В год кончины Тургенева его друг, поэт Я.П. Полонский говорил: "И один рассказ его "Живые мощи", если б он даже ничего иного не написал, подсыказывал мне, что так понимать русскую честную верующую душу и так всё это выразить мог только великий писатель".

По воспоминаниям французского писателя Анри Труайя, Тургенев обнаруживал, что "неспособен написать роман, повесть, главных действующих лицами которых не были бы русские люди. Для этого нужно было поменять душу, если не тело". "Мне для работы, – скажет он Эдмунду де Гонкуру, – нужна зима, стужа, какая бывает у нас в России, мороз, захва-

тывающий дыхание, когда деревья покрыты кристаллами инея... Однако ещё лучше мне работается осенью в дни полного безветрия, когда земля упруга, а в воздухе как бы разлит запах вина..." Эдмон де Гонкур заключал: "Не закончив фразы, Тургенев только прижимал к груди руки, и жест этот красноречиво выражал то духовное упоение и наслаждение работой,

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

его дивных художественных образов.

Среди них – "истинно прекрасная" праведница и страдальца Лукерья ("Живые мощи"). Плоть героини

ни умерщвлена, но дух её возрастает. "Посему мы не унываем, – учит апостол Павел, – но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется" (2 Кор. 4:16). "Тело Лукерьи почернело, а душа – просветела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия", – справедливо отмечал выдающийся богослов XX века архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Этой тургеневской героине, почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, не выражимые в земном слове. И не только ей, но прежде всего – писателю, создавшему её образ. Так же, как и "тишайший" образ истинной православной христианки Лизы Калитиной – кроткой и самоотверженной, нежной и мужественной – главной героини романа "Дворянское гнездо".

Весь этот роман овеян молитвенным пафосом. Источник особой молитвы проистекает не только из частного несчастья главных героев – Лизы и Лаврецкого, но из общих многовековых страданий земли русской, русского народа-страстотерпца. Неслучайно писатель-христианин орловец Б.К. Зайцев объединил тургеневских героинь – молитвенницу Лизу и страдальцу Лукерью – с реальной крестьянской девушкой-мученицей, одинаково расценивая их всех в общерусском православном смысле как "заступниц" перед Богом за Русь, за русский народ: "Лукерья такая же заступница за Россию и всех нас, как смиренная Агашенька – раба и мученица Варвары Петровны <матери Тургенева>, как Лиза".

Стихотворение в прозе "Два богача" показывает неизмеримое духовное превосходство русского человека из народа, замученного и ограбленного

угнетателями всех мастей, над богатейшим в мире банкиром-евреем.

Ротшильд имеет возможности без труда и ущерба для своих капиталов отщипывать куски на благотворительность от сверхприбылей, нажитых грабительскими ростовщическими махинациями. Русский мужик, ничего не имея, душу свою полагает за ближнего, буквально следуя заповеди Христа "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя" (Ин. 15:13). Какого огромного смысла в крохотном по объёму тургеневском тексте:

"Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделает целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых – я хваля и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принимавшем сироту-племянницу в свой разорённый домикхо.

– Возмём мы Катку, – говорила баба, – последние наши гроши на неё пойдут, – не на что будет соли добыть, похлёбку посолить...

– А мы её... и не солёную, – ответил мужик, её муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!"

Самое главное в русской классической литературе в целом и в частности в тургеневском творчестве – ценнейшей составляющей отечественной классики – это Христос, христианская вера, одухотворённая русским православным подвижничеством. Художественной правды не может быть без правды Божьей. Вся русская классика создавалась в лоне православного бытия.

По отзыву М.Е. Салтыкова-Щедрина, в тургеневской прозе заключено "начало любви и света, в каждой строке бьющее живым ключом". После чтения произведений Тургенева "легко дышится, легко верится, тепло чувствуется", "ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора".

Каждая проникновенная строка Тургенева, обладавшего способностью соединить прозу с поэзией, "реальную" с "идеальной", овеяная одухотворённым лиризмом и сердечным теплом, несомненно, идущим от "Бога живого" (2 Кор. 6:16). "В Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения" (Кол. 2:3), "Ибо всё из Него, Им и к Нему" (Рим. 11:36).

"Алые паруса" – опыт Совершенной Любви

Много есть сегодня желаний, прощсть и понять до конца, полностью, то есть, до самого донышка феерию "Алые паруса" Александра Степановича Грина.

И – нет никаких иных желаний у таинственного собрания человеческих душ и сердец, по имени "читатели", кроме одного их родового желания – читать, просто читать "Алые паруса".

...Внимательно и осторожно советую я читателю входить в мир прозы "Алых парусов" Грина, сразу же принимая, настраиваясь на её твердый, размеренный, уверенный в себе повествовательный шаг: "Лонгрен, матрос "Ориона", крепкого трехсоттонного брига, на котором он прослужил десять лет и к которому был привязан сильнее, чем иной сын к родной матери, должен был, наконец, покинуть службу".

Интонация взята, взят ритм произведения. Предложение чуть покачивает интонацией, – есть в нем некоторая "развалочка" – это и дважды повторенное: "на котором", "к которому" и повторенное "прослужил", "службу". А ведь этим предложением: Лонгрен сходит на берег и покачивание палубы "Ориона" еще живо в ногах, ступающих на твердь.

Первая фраза, первое предложение произведения – явление высшей ответственности автора, мера его мастерства, его уважения к писательскому труду.

Попробуем уловить Грина? Интонационный, звуковой и лексический строй предложения, практически, безупречны. Что со смыслами? "Орион" – крепкий трехсоттонный бриг, а Лонгрен, матрос, – привязан к бригу "сильнее, чем иной сын к родной матери". Ничего себе "мать" – трехсоттонная, да еще и с мужским именем "Орион".

Мне скажут – так, и настолько придираюсь, – нельзя. Я отвечаю: не только можно, но и должно – необходимо, иначе до существа, до естества – нам не дойти.

Мы правы в своей придирке. И вот почему, – по Виссариону Белинскому: "Но истинно художественные произведения не имеют ни красот, ни недостатков: для кого доступна их целостность, тому видится одна красота". (Здесь и далее курсив мой. – А.С.) Только близорукость эстетического чувства и вкуса, не способная обнять целое художественного произведения и теряющаяся в его частях, может в нем видеть красоты и недостатки, приписывая ему собственную свою ограниченность. Все, что ни есть в действительности, есть обособление общего духа жизни в частном явлении. Всякая организация есть свидетельство присутствия духа: где организация, там и жизнь, а где жизнь, там и дух. И потому, как всякое произведение природы, от минерала и былинки до человека, есть обособление общего духа жизни в частном жизни, так и всякое создание искусства есть обособление общей миро-

вой идеи в частный образ, в самом себе замкнутый. Организация есть сущность того процента, чрез который является все живое и нерукотворное,

следовательно, и все произведения природы и искусства. И потому-то те и другие так целостны, так полны, окончены, словом, замкнуты в самих себе" (В.Г. Белинский, Герой нашего времени, Сочинение М. Лермонтова, 1840).

Слова Белинского о Лермонтове, а на самом деле формулировка одного из основных законов русской литературы – это нам надо постоянно помнить, читая "Алые паруса".

И Грин оказывается прав. И проверку (придирку) легко проходит.

Да, "Орион" – бриг, и название и содержание мужское. Но что есть Орион в той естественной жизни, где естествона привязанность сына к матери?

Орион – это созвездие – ряд, порядок звезд.

Далее. Как найти ответ на вопрос, что есть Орион, не только в небе, в космосе, но в естественной, моей (и любого читателя) и, таким образом, лично для меня естественной жизни? Для меня, русского, рожденного на Русской земле человека, питающегося быть православным, воцерковленным (это главное, необходимое условие – "Православия нет без Церкви") т.е. человеком, и обладающего естественным православным мирозерцанием. Именно – естественным мирозерцанием, сложившимся в моем существе без всяких моих попыток естественным путем, в процессе моей жизни, сложившимся мирозерцанием, полностью совпадающим, как выяснилось, с православным видением мира и человека. Мне, носителю естественного православного мирозерцания, естественно будет обратиться к Библии, так как обращается к пониманию Книги книг человек православный, через Толкование Библии.

"Иов. 38:31. Можешь ли ты связать узел Хима и разрешить узы Кесиль"? – Толкование: "На началах строгой гармонии покоится устройство созвездий "Хима" – "Плиад" и "Кесиль" – "Ориона". Первое состоит из 64 главных звезд, из которых видимы простым глазом лишь шесть. Близкие друг к другу, они составляют одну группу и кажутся соединенными самыми тесными связями. Орион – созвездие из 78 звезд, образующих обширный параллелограмм, расположенный напополам в одном полушарии, напополам в другом. Как соединить звезды Плиад, так и разъединить две части параллелограмма Ориона выше сил человека" (проф. А.П. Лопухин).

Просто поразительно – "разрешить узы Кесиль". Во-первых, морфологи-

ческий разбор "Кесиль" дает нам следующую информацию: Кесиль. Начальная форма: КЕСИЛЯ. Часть речи: Имя существительное. Грамматика: Именительный падеж, единственное число, имя, женский род, одушевленное. Во-вторых, "разрешить узы" – это номинация и материнская (!), в том числе.

Вот и – Грин, вот и первое предло-

**Алексей
 СМОЛЕНЦЕВ**

Алый секрет Александра Грина

жение "Алых парусов", вот и наша попытка "уловить" Грина.

На самом деле все это и очень показательно и очень серьезно, и очень важно для нас, поэтому мы уделили первому предложению столько места и уделим еще.

Мы сейчас убедились, что первое предложение "Алых парусов" безупречно – в смысле. Имеет полное совпадение в переносе образа: привязанность Лонгрена к "Ориону" – привязанность сына к матери.

Случайно ли это событие происходит в тексте? Иными словами думал ли Грин об этом, "копал ли так глубоко"? Мог, кстати, и "копать". Но, скорее всего, здесь, в данном случае в "Алых парусах", Грин – сознательно занят "обословлением общей мировой идеи в частный образ, в самом себе замкнутый" (Белинский).

О серьезности этой работы Грина и о характере этой работы, и о неизмеримости ее лишь "земными условиями" следует смотреть Грина – "Сочинительство всегда было внешней моей профессией..." ("отрывок из черногового наброска, который должен был служить началом феирии "Алые паруса"): "Весьма трудно припомнить возникновение замысла. Это случается редко, по свежему, так сказать, следу. После более или менее значительного промежутка времени, удалившись сознание от священного возмущения таинственного водоёма, меж автором и сценной его души опускается непроницаемый занавес..."

Ум смутно помнит, что там, за занавесом, до того, как он стал преградой, шла суета, хлопоты, замирали и возобновлялись приготовления; плодотворные ошибки в мучительной борьбе сил становились истиной, в то время как скороспелая яость, не выдержав фальшивой игры, позорно гибла и гасла. Но занавес опустился. На нем, отброшенное волшебством невидимой глубины, изнутри сокровенного движется чистое действие. Оно еще двух измерений: беззвучно и ограниченно, лишено красок, бесцветно, но уже видимо. Оно сродни мраморному трепету Галатеи, готовому замереть, если оживляющая страсть Пигмалиона уступит отчаянию. Тогда художник приступает к истинно магическим действиям. Он очерчивает себя кругом замысла и, находясь под его защитой, делается невидим. Он выпал из общества, семьи, квартиры, его нет и в государстве и на земле. Круг жестоко отбрасывает страсти, обещания, любопытство, книги, друзей; в его черте мгновенно гаснет лю-

тейшее пламя гнева, коченеет зависть, умолкает гром битвы, а от живых людей, руки которых пожимались еще вчера с различными чувствами, остаются смутные тени. Далеко не известно еще в точности, как происходит священнодействие. Говоря фигурально – анатомическая его сущность, в сравнении с сущностью физической, доступной опыту и описанию, – остается тайной, в которую,

может быть, и совершается проникновение, но благодаря ее невообразимой глубине это проникновение должно быть запредельным сознанию, подобно ночной жизни лунатика".

Повторим, сосредоточимся: "меж автором и сценной его души опускается непроницаемый занавес (...) – На нем, отброшенное волшебством невидимой глубины, изнутри сокровенного движется чистое действие".

Автор разделен со своей душой (миг творчества, образно, – есть миг смерти – душа различена с автором) непроницаемым занавесом, но (!) в сокровенной глубине души движется действие. Не автор (!) "двигатель" процесса, автор в этот миг лишь – наблюдатель.

Вот отсюда точность, неколебимость текста всех настоящих произведений настоящей литературы: общемировая идея "сама" (!) воплощается в частный образ, который и проходит перед творческим взором автора. Здесь действует не человеческая природа (которой свойственно ошибаться) действует сверхъестественная, поэтому безошибочная сила. Действует, разорвавшая частный образ, действие (вновь повторим): которое "еще двух измерений: беззвучно и ограниченно, лишено красок, бесцветно, но уже видимо". Здесь начинается работа автора. Но и она по Грину интуитивна, осторожна, – "запредельна сознанию". Автор дает действию на плоскости (двух измерений) – объем, третье измерение – краски, звук, цвет, то есть – собственно Жизнь (именно с большой буквы, ибо, не частную жизнь, а общемировую, лишь осуществляемую в данном произведении как частную. И если автор работает тщательно, ответственно, правдиво и художественно, то ошибок у него нет. – "Кому доступна целостность ... тому видится одна красота" (Белинский).

И еще Белинский говорил о том, что произведение – создается не только трудом автора: "Каждое поэтическое произведение есть плод мучительной мысли, овладевшей поэтом. Если б мы допустили, что эта мысль есть только результат деятельности его рассудка, мы убили бы этим не только искусство, но и самую возможность искусства. В самом деле, что мудреного было бы сделаться поэтом, и кто бы ни в состоянии был сделаться поэтом по нужде, по выгоде или по прихоти, если б для этого стоило только придумать какую-нибудь мысль, да и втиснуть ее в придуманную же форму? Нет, не так это делается поэтами по натуре и при-

званию!" (Сочинения Александра Пушкина, Статья пятая, 1848).

Как же это делается поэтами по призванию? – Об этом и говорит Грин в частном случае "Алых парусов".

То есть, из свидетельства самого Грина, работая, он как автор уже подключен к Вселенной, он слушает и воспринимает и фиксирует то, что идет Оттуда. А Оттуда идет безупречная интонация и смысл – безупреч-

ложения.

Но и это еще не все о первом предложении. – Это простой, элементарный пример того, насколько неисчерпаема русская литература, каждое первое предложение каждого настоящего писателя столь же многопланово, думали ли мы об этом?

Орион – созвездие, да, это имя в древнегреческой мифологии носит охотник.

И вот VII заключительная глава феирии: Альф "Секрет" – миг, когда "Секрет" становится Алым, разорвавшая осязку, что свидетель первого алого мига? – "Охотник, отметив след сломанной веткой, пробрался к воде. Туман еще не рассеялся; в нем гасли очертания огромного корабля, медленно повертывающегося к устью реки. Его свернутые паруса ожили, свисая фестонами, расправляясь и покрывая мачты бессильными щитами огромных складок; слышались голоса и шаги. Береговой ветер, пробуя дуть, лениво тербеля паруса; наконец, тепло солнца произвело нужный эффект; воздушный напор усилился, рассеял туман и вылился по реям в легкие алые формы, полные роз. Розовые тени скользили по белизне мачт и снастей, все было белым, кроме раскинутых, плавно двинутых парусов цвета глубокой радости. Охотник, смотрелвший с берега, долго протирал глаза, пока не убедился, что видит именно так, а не иначе".

И не то что сказать, подумать стыдно, что Грин не знал, не понимал, и случайно так совпало... ах, да, действительно, только не случайно, а – случайно (как говорят люди, умеющие читать и писать, – но мы же – умеем)?...

Предыдущая, VI глава, сообщает нам: "Ассоль остается одна"... Как бы не так! – "Орион"-Лонгрен-Охотник бережно передает Чудо своей отцовской жизни и ответственности с борта на борт, на новый борт, к новому Чуду от "Ориона" к "Секрету". Оно живну, держась за его пояс, с новой душой и трепетно зажмуренными глазами ... Не помня – как, она поднялась по трапу в сильные руки Грэя. Палуба, крытая и увешанная коврами, в алых выплесках парусов, была как небесный сад".

В чем же совершенство Грина? Тайна совершенства – в Любви.

Тайна "Алых парусов" в явлении Совершенной Любви. "В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в уничижение за грехи наши. Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас.

В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви" (1-е Иоанна, 4).

Вот какая обобщенная и общечеловеческая идея обособлена в "Алых парусах".

Обособлена – внимание! – не религиозно, не эстетически, но – поэтически, естественно поэтически – можно сказать, – человечески (поэзия – естествона для души человека).

(Полная версия – на сайте)